

**ПЕТРОГЛИФЫ НИЖНЕГО ИНЕГЕНЯ В СВЕТЕ МИФОВ И ВЕРОВАНИЙ
АЛТАЙСКИХ ОХОТНИКОВ**

д-р искусствоведения, чл.-кор. Российской академии художеств,
Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина,
г. Горно-Алтайск
e-mail: pallady@ngs.ru

Статья посвящена изучению нового петроглифического памятника из долины р. Нижний Инегень в Горном Алтае. Наскальные рисунки, выбитые и гравированные, создававшиеся в течение трех тысячелетий, образовали своеобразный наскальный фриз с изображениями животных и их мифических хозяев. Семантика петроглифов отражает традиционные представления тюрков Южной Сибири, связанные со зверовым промыслом.

Ключевые слова: петроглифы, выбивка, гравировка, хозяйка зверей, охотничьи поверья.

В июле 2006 г. Николай Михайлович Казатов – житель с. Инегень Онгудайского района Республики Алтай показал мне петроглифы, расположенные на гребне скального отрога на левом берегу небольшой речки Нижний Инегень. Эти рисунки я изучал в 2007 г. Географические координаты памятника по GPS-приемнику: N – 50°21'04,1"; E – 086°38'18,2"; высота 941 м над ур. моря (по балтийской системе высот). В местах этих располагается целый ряд археологических памятников. В уютной долине среднего течения Нижнего Инегеня находятся могильник и уникальное каменное изваяние эпохи бронзы [1], а на окружающих скалах – петро глифы. Нами была опубликована плита с рисунками и руническими надписями [2]. Настоящая статья посвящена самому крупному петроглифическому памятнику из долины Нижнего Инегеня. Он представляет собой вертикальную плоскость из сланца высотой около 1 м и шириной 2,7 м с выбитыми и гравированными рисунками. Это своеобразный горизонтальный фриз с петроглифами. На нем естественным образом выделяются три участка.

Участок 1. Расположен в левой части плоскости. В его центре изображена компактная группа из 4 маралов; у 2 из них рога в виде вертикальных стволов с отростками. Два верхних животных обращены влево, на север, вверх по течению реки, два нижних – на юг. Над маралами, немного левее, выбиты 2 козла, обращенные влево.

Участок 2. Расположен в правой части плоскости за трещиной. Здесь представлено шесть изображений. Пять из них, кроме крайнего левого, частично или полностью оказались под слоем лишайников. Просматривается безрогий олень, козел с необычайно большим рогом и 2 марала с вертикальными рогами. Возле ноги правого верхнего марала имеется аморфное пятно из отдельных точечных лунок. Можно предположить, что тут выбито изображение маленькой собаки. Животные обращены вправо, за исключением нижнего марала, смотрящего влево. В центре этой группы выбита во фронтальной проекции антропоморфная фаллическая фигура. Ее верхняя часть заросла лишайником и не просматривается. На эстампаже в районе правого плеча фигуры проявилось некое углубление, напоминающее по форме силуэт сидящей птицы. Однако не исключено, что это углубление имеет естественное происхождение.

Участок 3. Расположен в правом нижнем углу плоскости. Здесь выбиты фигуры двух козлов, обращенных вправо. Голову крайнего козла продолжает выбивка в форме зигзага. Вокруг – более мелкие резные изображения: 6 козлов с большими рогами, 5 безрогих животных, фронтальная антропоморфная фигура с подчеркнутым женским половым органом, а также два всадника. Ездовые животные представлены в виде совмещенных изображений коней и диких зверей. Помимо фигуративных изображений присутствует ряд линий, подчас образующих некие схематичные геометризованные формы.

Хронологический диапазон рисунков на фризе из Нижнего Инегеня охватывает примерно три тысячелетия. Вероятно, еще в конце эпохи бронзы были выбиты антропоморфный фертообразный персонаж и самая крупная статичная фигура козла с огромным полукруглым рогом. Маралы с вертикальными рогами – наследие раннескифского времени. Они напоминают аналогичные изображения из урочища Булан-Кобы, расположенного неподалеку от рассматриваемого памятника [3]. Эти ранние петроглифы выбиты аккуратной мелкоточечной техникой и по своей патинизации почти не отличаются от загара скалы. Рисункам маралов присуще особое изящество: тонкое, удлиненное туловище и непомерно высокие древовидные рога. Ноги же выбиты слегка наклонно, что придает образам зверей некоторую динамику.

Сравнительно недавно многие из ранних рисунков были заново пробиты глубокими грубыми ударами, отчего поновленные изображения смотрятся теперь значительно более темными на светлом фоне скалы (на рис. 1 и рис. 2 мы попытались отразить этот контраст новой и старой выбивки).

Следующий хронологический период связан со скифским временем. К нему можно отнести изображения двух козлов в левом верхнем углу на участке 1. Фигуры животных здесь еле заметны; они выбиты широкой

линией, состоящей из отдельных мелкоточечных лунок и по загару почти не отличающейся от цвета скалы.

Резные изображения на участке 3 – это рисунки алтайцев. Нельзя сказать, что все они появились одновременно. Резные линии несколько отличаются по патинизации, а сами рисунки животных – по иконографии и стилистике. Временной диапазон их измеряется, надо полагать, несколькими столетиями – от этнографического времени до начала XX в. В частности, такие же изображенные в виде кружков копытца, что у крайнего правого животного, мы встретили среди петроглифов Калтака на рисунке, датированном 1937 г. [4, рис. 4, 1].

Репертуар петроглифов нижнеинегеньского фриза отражает представления местных жителей, связанные с животными. Нельзя не отметить парность древних образов; это наводит на мысль о главенствующей идее плодородия-плодовитости зверей. Роль антропоморфного персонажа в этой связи остается неясной.

Художники, поновлявшие выбивкой древние изображения и вырезавшие новые, надо полагать, добивались того, чтобы в целом нижнеинегеньский фриз представлял одну многофигурную композицию с определенным содержанием. В сложившемся виде его назначение вписывается в круг традиционных представлений алтайцев, связанных с поверьями и обрядами зверового промысла. Считалось, что вырезанные, гравированные, процарапанные и прочие изображения животных на каменных плоскостях принадлежат хозяевам гор, так же как принадлежат им сами животные. Охотники верили, что во время промысла духи-хозяева незримо присутствуют рядом с ними. Строго следя за соблюдением профессиональной этики и ритуалов, принимая жертвенное угощение, слушая музыку и сказки и, возможно, любясь рисунками, они посылают избранникам своих животных [5, с. 68].

Тюрки Южной Сибири верили, что удача на охоте напрямую зависит от расположения духов-хозяев отдельных гор и местностей. Земные горные божества, именуемые обычно *äzi* – «хозяева», выступали в представлениях алтайцев в антропоморфном облике [6, с. 180]. Иногда они являлись охотнику как в женском так и в мужском образах [7, с. 124]. Кроме того, в нормативной сфере охотников Саяно-Алтайского региона большое место занимала сексуальная тема [8, с. 55]. Отправляясь на промысел, охотник не мог вступать в супружескую связь со своей женой. Мотивировалось это тем, что иначе ему не повезет на охоте, так как выходить на промысел надо «чистым» [6, с. 181]. Если во время сна охотник вступает в интимную связь с хозяином тайги в образе женщины, то его ждет удача на охоте [7, с. 139]. В системе традиционных ценностей, как пишут исследователи, мужская потенция является гарантией производительных успехов, а удача в промысле оборачивается приращением потомства [5, с. 69].

Живучесть этих представлений подтвердил наш проводник Амыр Николаевич Самойлов в зимней экспедиции по Аргуту в 1998 г. Тогда же мы стали свидетелями необычного происшествия. Недалеко от нас вдруг появился большой старый козел-ала. Он стоял горделиво и неподвижно. Казалось, подстрелить его не стоило труда. Амыр спокойно прицелился и дважды нажал на курок. После осечек он отставил ружье в сторону и сказал: «Больше нельзя. Значит, это не простой козел». Возможно, что вот такого большого козла с огромными рогами и запечатлел древний мастер на участке 2. Вместе со стоящим на его рогах антропоморфом выбитый козел воспринимается, согласно охотничьей мифологии, в качестве ездового животного [9, с. 134]. Сама же фаллическая фигура, надо полагать, является изображением архаичного образа мужского горного духа.

Резчик недавнего времени выгравировал *таг-ээзи* в женском облике. В данном случае ее нечеловеческая природа проявляется в чрезвычайно длинных грудях. Хозяйка может их закидывать за плечи или зажимать подмышками [9, с. 135]. Молодой обнаженной женщиной с большими грудями она предстает также в фольклоре северных хакасов (кызыльцев) и шорцев [10, с. 88]. Нельзя не отметить, что выбитый визуальный образ хозяйки близок к фольклорным образам женских отпрысков божества Нижнего мира. В алтайском героическом эпосе «Маадай-Кара» внешний облик дочери Эрлика предстает в следующем виде:

Из перьев филина шапка на ней,
Из холщевых лент ее одежда
Развевается [в разные стороны]... [11, с. 332].

В шаманских камланиях у дочерей Эрлика женская сексуальность подчеркивается в довольно привлекательных красках:

С *vulva*'ми, как земная трещина,
С грудями, как холмики [12, с. 9].

Акцентация в изображении *таг-ээзи* полового органа имеет давнюю традицию; в частности, он отчетливо выделен и в нижнеинегеньском фаллическом персонаже, и в рисунке окруженной животными женской антропоморфной фигуры в петроглифах Поперечной Красноярки эпохи бронзы [13, рис. 15]. А последнюю, в свою очередь, можно сопоставить с изображением владычицы зверей из расположенного неподалеку святилища Зеленого Озера той же каракольской культуры [14, рис. 14].

Естественно возникает вопрос о смысле двух всадников и совмещенных животных, на которых они восседают. Раскрытию их семантики помогают полевые записи Л.П. Потапова. Он услышал от алтайцев рассказ, в котором фигурируют трое горных хозяев. Все они были в образе голых девиц [7, с. 126]. Надо полагать, и в нижнеинегеньском фризе изображены три горные хозяйки, причем две из них доставляют зверей охотнику. Наложение контурных изображений животных также находит свое объяснение в записях Л.П. Потапова. В том же рассказе говорится о том, что горные хозяйки решили откупиться лошастью. Однако на утро охотники убивают марала [7, с. 126]. В подобном шорском рассказе горный хозяин отдает охотнику лошадь, а утром в его петле

оказывается сохатый [7, с. 126]. В совмещенных контурных изображениях с прямоугольными очертаниями голов трудно не узнать выступающих вперед лошадей, которых пригоняют хозяйки гор, а вслед за ними – промысловых зверей, предназначавшихся охотнику. Не случайно эти трофеи еще раз изображены на скале несколько правее, но уже со стрелой, которая поразит зверя.

В целом на создававшемся в течение тысячелетий фризе из Нижнего Инегеня представлен в наглядном виде охотничий миф, отразивший традиционные представления алтайцев о священном для них промысле зверей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Изваяние эпохи бронзы из долины реки Нижний Инегень (Центральный Алтай) // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, 2007. С. 33–36. (Тр. САИПИ; Вып. 3).
2. Маточкин Е.П., Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М. Петроглифы и рунические надписи на плитах из Кезек-Елани // Вопр. филологии. Сер.: Урало-алтайские исследования. 2010. № 2. С. 17–22.
3. Маточкин Е.П. Петроглифы Булан-Кобы // Комплексные исследования древних и традиционных сообществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 399–402.
4. Маточкин Е.П. Петроглифы Калтака // Древности Сибири и Центральной Азии: сб. науч. тр. Горно-Алтайск, 2009. № 1–2 (13–14). С. 59–73.
5. Октябрьская И.В., Черемисин Д.В. Охота среди скал (Древние и современные петроглифы Джурамала) // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 3. С. 63–71.
6. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991.
7. Потапов Л.П. Охотничьи поверья и обряды у алтайских турков // Культура и письменность Востока. Баку, 1929. Кн. V. С. 123–149.
8. Октябрьская И.В., Черемисин Д.В. Оружие, достойное мужчин (по материалам петроглифики Алтая и сопредельных территорий) // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 3. С. 51–56.
9. Тюхтенева С. Культ гор // Алтай – сокровище культуры. М., 2004. С. 134–139.
10. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, 1988.
11. Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М., 1973.
12. Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. Горно-Алтайск, 1994.
13. Маточкин Е.П. Петроглифы Поперечной Красноярки // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4. С. 83–91.
14. Маточкин Е.П. Петроглифы Зеленого Озера – памятник эпохи бронзы Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 2. С. 104–115.

Статья поступила
в редакцию 4.02.2012 г.